

Якимов Петр Анатольевич

РУССКИЙ КОВЧЕГ В АВСТРАЛИИ (К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭЗИИ ЧЕТВЕРТОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ)

Поэзия четвертой волны русской эмиграции представляет собой малоисследованное и многогранное явление для современной филологии. В статье проанализированы некоторые особенности поэтического представления духовной связи русской поэзии Австралии: намечается исследование интертекстуальных связей с русской литературой, а также такого явления, как евангельский метатекст. Автор не претендует на исчерпывающее исследование, поскольку анализируются поэтические тексты только двух авторов - Натальи Крофтс и Елены Чинаховой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 41-43. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

в целом и отдельные его проявления в частности: «Разорванное кружево / Деревьев говорливых» [Там же, с. 92]. Деревья обретают голос, потому что им есть что сказать лирическому герою; взаимодействие природы и человека для Пастернака не является отношением потребителя к предмету, напротив, это – диалог равных.

Итак, в ходе исследования нами было установлено, что мир произведений Ю. Пастернака наполнен звуками, каждый из которых вносит определенный семантический вклад в общий контекст. Голос становится параметром, по которому определяется личность человека. Более того, сопряжение звуков мира, созданного человеком, со звуками природы придает особый колорит как прозаическим, так и поэтическим произведениям Б. Пастернака.

Список источников

1. **Пастернак Б. Л.** Полное собрание сочинений: в 11-ти т. / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак; предисл. Л. С. Флейшмана. М.: СЛОВО/SLOVO, 2003. Т. I. Стихотворения и поэмы 1912-1931. 576 с.
2. **Пастернак Б. Л.** Полное собрание сочинений: в 11-ти т. / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. II. Спекторский. Стихотворения 1930-1959. 528 с.
3. **Пастернак Б. Л.** Полное собрание сочинений: в 11-ти т. / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. III. Проза. 632 с.
4. **Пастернак Б. Л.** Полное собрание сочинений: в 11-ти т. / сост., коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. IV. Доктор Живаго, 1945-1955. 632 с.

V. L. PASTERNAK'S MUSIC AND SOUNDING WORLD

Hamenok Vera Ivanovna

*Lomonosov Moscow State University
verakhamenok@gmail.com*

The acoustic side of B. Pasternak's works is considered in the article. Particular attention is paid to the principles of the interaction between the sounds of nature and the surrounding world with the sound of the human voice in all its diversity. It is noted that an important characteristic of Pasternak's creative work is its multi-level nature, the combination of different sound layers (both butt and lap). The paper also examines signs, which can be decoded only by the people who are versed in music, according to the author.

Key words and phrases: sound; phone; fragmentariness; ostinato; piano; Bach; Tchaikovsky; trio; "Askold's Grave"; internal music; B. Pasternak; silence; dynamic techniques; phone; polyphony; stratification of sounds; voice characteristic.

УДК 82:37(045)

Поэзия четвертой волны русской эмиграции представляет собой малоисследованное и многогранное явление для современной филологии. В статье проанализированы некоторые особенности поэтического представления духовной связи русской поэзии Австралии: намечается исследование интертекстуальных связей с русской литературой, а также такого явления, как евангельский метатекст. Автор не претендует на исчерпывающее исследование, поскольку анализируются поэтические тексты только двух авторов – Натальи Крофтс и Елены Чинаховой.

Ключевые слова и фразы: Н. Крофтс; Е. Чинахова; поэзия четвертой волны эмиграции; интертекст; метатекст.

Якимов Петр Анатольевич, к. пед. н., доцент
*Оренбургский государственный педагогический университет
pyakimov@mail.ru*

РУССКИЙ КОВЧЕГ В АВСТРАЛИИ (К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭЗИИ ЧЕТВЕРТОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ)

Эмигрантская поэзия всегда стояла на особом месте, имела свое исключительное звучание. Как справедливо заметил В. Крейд, поэзия русского зарубежья, оторванная от родной земли, от родной атмосферы, от читателя, всегда имела удивительную жизнеспособность. Поэзия четвертой волны эмиграции (остановимся на некоторых именах современных авторов) создала свою особую атмосферу. Несмотря на то, что поэты, творящие «под Южным Крестом», находятся в совершенно иных обстоятельствах (к ним неприменимо наименование поэтов-эмигрантов, данное Ю. Иваском – «изгнанники»), эмоциональные и стилистические переключки с поэзией первой волны эмиграции вполне очевидны: находясь вдали от родного города, родной страны, русские поэты «пятого континента» питаются «соками родной страны» [3, с. 3-4]. Цель данной статьи – рассмотреть наиболее интересные способы поэтического представления духовной связи поэзии русского ковчега в Австралии с родиной.

Достаточно распространенное явление в поэзии русского зарубежья – литературный интертекст. Точные или частично трансформированные цитаты из поэтических текстов русских поэтов, русские поэтические образы еще в поэзии первой волны эмиграции стали знаками духовной, поэтической связи с родиной, личным переживанием эмиграции, разрыва.

В поэзии Натальи Крофтс прослеживаются как связи с русской поэзией, так и с русской прозой. В стихотворении «Осколки», посвященном разбитым «на куски» мечтам, очевидны связи с поэзией В. Высоцкого: «...Но мечты уже – в дорожной пыли...» [4, с. 8] – «...Растворились в дорожной пыли...» [1, с. 80], «И не там я – и не с тем – и не так...» [4, с. 8] – «...И не друг, и не враг, а – так...» [1, с. 64]; в стихотворении «Ахейские затихли голоса...» – с известным стихотворением А. Блока: «И мы твердим банальное: “Не ново: / Аптека. Ночь – и света полоса”...» [4, с. 27]. Явная связь с русской классической прозой видна в стихотворении «Переплетение миров»: «А между тем в романах на столе, / Кого-то резво догонял Фандорин, / С соседом вновь Иван Иванович вздорил, / И рдел, как кровь, гранатовый браслет» [Там же, с. 22].

Однако наибольшую смысловую нагрузку для поэзии Натальи Крофтс играют интертекстуальные связи с эмигрантской поэзией первой трети XX столетия. Первые строки третьей строфы стихотворения Н. Крофтс «Черноморские дали...» перекликаются с первой и последней строками цветаевского стихотворения «Расстояния: версты, мили...», написанного в 1925 году в эмиграции: «Вот и все. Докурили. / Чай допили. Пора. / Расставания, мили... / Может это игра?» [Там же, с. 7]; «Расстояния: версты мили... <...> Разбили нас – как колоду карт!» [5, с. 391].

Семантическая интертекстуальность данных поэтических текстов дополняется эмоциональной. Обе лирические героини тоскуют. Как комментировала сама М. И. Цветаева, понимание всеми этого стихотворения как стихотворения «о нас (здесь) и тех (там), о нас и России, о нас вне России, без России» [Там же, с. 741] – «редкий, редчайший случай расширения читателем писательского образа, обобщения, даже увеличение частности» [Там же]. Создавая данное стихотворение, Цветаева «думала о себе и о Борисе» [Там же], о Борисе Пастернаке, расставанию с которым и посвятила текст. Наталья Крофтс посвятила свое стихотворение разлуке с родным городом – «белокаменным» Херсонесом. Хотя анализ более широкого контекста стихотворения Н. Крофтс позволяет предположить, что на херсонесских просторах оставлен близкий человек: «Вот и все. Докурили / Допили чай...»; «И без всяких ироний: / “Приезжай” – “Доживи”» [4, с. 7].

Несмотря на семантическую и эмоциональную близость данных поэтических текстов, их отличает разное представление действительности лирическими героинями: Цветаева показывает собственную судьбу, которую определили «расстояния: версты, мили» (семантически это проявляется в избытии глаголов 3 лица множественного числа: расставили, рассадили, рассорили и т.п., и наконец, разбросали) и ничего не говорит о возможности встречи (когда-нибудь и где-нибудь); героиня Крофтс предполагает: «Может – это игра?». И конечно же, героиню Крофтс отличает вера в возвращение, следовательно, вера во встречу: «О измученный град мой, / смесь народов и вер, / я вернусь. Я обратно / обязательно в-е-р...» [Там же].

Здесь очевидны интертекстуальные связи и с поэзией другого поэта первой волны эмиграции – Георгия Владимировича Иванова, который на протяжении тридцати с лишним лет мечтал о возвращении на родину:

«Но я не забыл, что обещано мне

Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами» [2, с. 573].

Тема веры в возвращение домой лейтмотивом проходит в этом стихотворении (здесь она встречается троекратно).

Тема покинутого дома, тема странствия является одной из важных для поэтического творчества Натальи Крофтс («На развалинах Трои лежу в ожидании последней атаки...», «Моя Одиссея»), где, с одной стороны, лирическая героиня молится о конце этих бредней («А пока я лежу... Только воют собаки и ветер. / И молось – я не знаю кому – о конце этих бредней. / Чтob атака однажды, действительно, стала последней» [4, с. 4]), с другой – через образ Одиссея показывает, что домой никогда не вернуться («...и загодя зная, что по волнам рассеян / наш жизненный путанный путь... / Слукавил поэт – и домой Одиссея / уже никогда не вернуть») [Там же, с. 5]). Таким образом, семантический и эмоциональный интертекст способствует представлению духовной связи поэзии русского зарубежья с родиной.

Стихотворение Елены Чинаховой «Отражения колокольного звона» полностью пронизано евангельской тематикой, что также символизирует связь с родиной:

океан неприрученным зверем кусает сушу.

на рассвете старый звонарь поднимается в башню
(двести сорок крутых ступеней), борясь с удушьем.

день сегодняшний отражается в дне вчерашнем.

ах, как сладко – вызванивать миру чужое счастье.

ах, как больно – оплакивать жизнь в монотонных гимнах.

льнет веревка к ладоням и волны ласкают снасти:

не рыбак – “ловец человеков” пугливый Симон.

Магдалина стирает белье в ледяной купели.

римский стражник считает ворон у ворот Долины.

ждет народ в Фиатире пророчества Езавели:

повторенье сюжета – в сердце Христово – клином.

круг замкнется с последним ударом, и тени – сгинут.
и опять двести сорок ступеней, борясь с удушьем.
Петр – охотник, нацелит гарпун в китовую спину...
за секунду до выстрела Небо закроет уши» [6].

Автор показывает цикличность времени – вся жизнь идет по кругу, и в дне сегодняшнем просматривается день вчерашний. В то время, когда старый звонарь совершает свою работу – бьет в колокола, вызывая «миру чужое счастье» или оплакивая «жизнь в монотонных ритмах», время возвращает нас в евангельские времена. Во время звона колоколов возникают евангельские картины: лирическая героиня видит в окружающих ее людях библейские образы – в образе рыбака видится апостол Петр (Симон), призванный Христом за рыбной ловлей и сделанный «ловцом человеков» («Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков. И они тотчас, оставив свои сети, последовали за Ним» (Марк 1:16-18)); в образе стирающей в ледяной купели Магдалины видится образ одной из жен-мироносиц, удостоившейся первой увидеть воскресение Христа; в образе римского стражника, считающего у ворот Долины ворон, угадывается апостол Павел, молодой Савл, имевший права римлянина, который, будучи сильным ревнителем фарисейских преданий и гонителем веры Христовой, стал свидетелем смерти первомученика Стефана, забитого камнями около ворот Долины (так были названы одни из ворот, ведущих в Иерусалим); в образе Езавели, чье пророчество ждет народ в Фиатире, читается образ Иезавель, жены седьмого царя Израильского, положившего начало падению царства Израильского; именно она прилагала все усилия, чтобы истребить пророков Божиих.

И наконец, в поэтическом тексте предстает образ распятого Христа, сердце которого пронзает клином («Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени, но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Иоанн 19:33-34)), что было предсказано еще царем Давидом: «Но Ты, Господи, не удаляйся от меня; сила моя! поспеши на помощь мне; избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою» (Пс. 21:20-21).

Круг замыкается: с последним ударом колокола исчезают евангельские картины; звонарь, борясь со своим недугом, преодолевает 240 ступеней; и вновь возникает современная картина. Вероятно, совершенно случайно оказывается количество ступеней на башне: число 240 ассоциируется с текстом послания апостола Павла к Филиппийцам (зачало 240), где он призывает: «в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп 2:5).

Таким образом, с одной стороны, очевидна замкнутость времени – совмещение евангельского времени и современности, с другой стороны, замкнутость пространства: воссоздание во время колокольного звона евангельских картин, вероятно, служит напоминанием о присутствии Бога там, в Австралии, в реальном для автора пространстве.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что основными способами поэтического представления духовной связи русской поэзии в Австралии с родиной являются аллюзии, реминисценции, взятые из русской литературы, а также вера во всеприсутствие Бога.

Список источников

1. **Высоцкий В. С.** Собрание сочинений: в 4-х книгах. М.: Надежда-1, 1997. Книга вторая. 624 с.
2. **Иванов Г. В.** Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Согласие, 1993. Т. 1. Стихотворения. 656 с.
3. **Ковчег: поэзия первой эмиграции** / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Политиздат, 1991. 511 с.
4. **Крофтс Н.** Поэт эпохи динозавров: стихи. СПб.: «ИСПб», 2013. 32 с.
5. **Цветаева М. И.** Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990. 800 с.
6. **Чинахова Е.** Все произведения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.piiter.ru/view.php?aid=90&cid=1> (дата обращения: 21.03.2017).

THE RUSSIAN ARK IN AUSTRALIA (ON SOME FEATURES OF THE POETRY OF THE FOURTH WAVE OF EMIGRATION)

Yakimov Petr Anatol'evich, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
pyakimov@mail.ru

The poetry of the fourth wave of the Russian emigration is a little-studied and many-sided phenomenon for modern philology. The article analyzes some features of the poetic representation of the spiritual connection of the Russian poetry in Australia: it is planned to study intertextual links with the Russian literature, as well as such a phenomenon as evangelical metatext. The author does not pretend to present an exhaustive study, because the poetic texts of only two authors – Natalia Crofts and Elena Chinakhova – are analyzed.

Key words and phrases: N. Crofts; E. Chinakhova; poetry of the fourth wave of emigration; intertext; metatext.